

А. Ю. Желтов
СПбГУ/МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия. ajujeltov@mail.ru
Е. В. Желтова
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. e.zheltova@spbu.ru

К ПРОБЛЕМЕ НЕДИСКРЕТНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СУФФИКСОВ И ФЛЕКСИЙ

В статье рассматривается проблема соотношения словоизменения и словообразования в индоевропейских языках (на примере русского, латинского и древнегреческого). Применяется методика «фокального» анализа, предложенная А. А. Кибриком, которая позволяет учитывать как «классические», или «фокальные», случаи строгого разграничения между словообразовательными суффиксами и словоизменительными флексиями, так и случаи отклонения от этих точек (так называемые «аутлайеры»), когда суффиксы демонстрируют не только деривативные, но и словоизменительные характеристики, и наоборот, флексии демонстрируют словообразовательный потенциал. Таким образом, при применении фокального анализа, предполагающего более дифференцированный подход к различным признакам словоизменения и словообразования, мы получаем значительно более точную матрицу взаимодействия словообразования и словоизменения в анализируемых языках, чем при традиционном дискретном подходе. При этом в русском, в латыни и в древнегреческом аутлайеры не достигают стадии «гибридности». Структуризация в рамках фокального подхода словоизменительных и словообразовательных морфем позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с родом и именными классами.

Ключевые слова: словоизменение, словообразование, суффиксы, флексии, русский язык, латынь, древнегреческий язык.

A. Ju. Zheltov
SPbSU/MAE RAS, ajujeltov@mail.ru
E. V. Zheltova
SPbSU, e.zheltova@spbu.ru

Towards the problem of nondiscreteness of linguistic description in the context of Indo-European suffixes and inflections

The article deals with the problem of correlation between inflection and derivation in the Indo-European languages (on the example of Russian, Latin, and Ancient Greek). The method of “focal” analysis proposed by A. A. Kibrik is used, which allows taking into account both “classical”, or “focal” cases of a strict distinction between word-formation suffixes and form-building inflections, and the cases of deviation from these points

(“outliers”), when suffixes show not only derivative, but also inflective characteristics, and *vice versa* when inflections show word-formation potential. Thus, when applying the “focal analysis” and a more differentiated approach to the various features of inflection and word formation, we obtain a much more accurate matrix of the interaction of inflection and word-formation in the languages analyzed than in the traditional “discrete” analysis. At the same time, in Russian, Latin, and Ancient Greek, the outliers do not reach the stage of “hybridity”. Structuring of inflective and derivative morphemes within the framework of the “focal” approach allows us to take a new look at a number of problems related to gender and noun classes.

Keywords: form-building, derivation, suffixes, inflections, Russian, Latin, Ancient Greek.

1. Вводные замечания

На первый – очень поверхностный – взгляд, разграничение обозначенных в заглавии понятий имеет вполне научную стройность: суффиксы — часть основы — служат для словообразования (деривации), не участвуют в синтаксической связи высказывания; флексии (окончания) не являются частью основы, служат для словоизменения (формообразования), обеспечивают синтаксическую связь, являясь, как правило, конечными элементами словоформы. Однако, даже если не выходить за пределы индоевропейских языков, для которых эти противопоставления и были созданы и за пределами которых разграничение на суффиксы и флексии не стало распространенным, уже на уровне энциклопедических статей об этих понятиях создается ощущение значительно более сложной картины, где дискретность понятий не является очевидной. Так, согласно (Bulygina, Krylov 1990), флексии делятся на внутренние и внешние, а в последних выделяется два измерения: грамматическое значение и реляционное (синтаксическое) значение. Именно с последним обычно связан термин «окончание». По (Krasuhin 2004), флексии находятся после основы и имеют только словоизменительное значение. Они выражают исключительно отношения слов в высказывании. При этом чисто реляционная (синтаксическая) трактовка флексий противоречит идее А. А. Зализняка (Zaliznyak 2002: 545–549) о том, что в русских флексиях в примере типа *дом-а* (мн. ч.) следует говорить о нулевом показателе именительного падежа и, по сути, агглютинативном (однозначном) показателе множественного числа *-а*, который, очевидно являясь окончанием, не несет никаких синтаксических значений. Суффиксы обычно подраз-

деляются на словоизменительные (например, показатель прошедшего времени *-л-*) и словообразовательные (как агентивный *-тель* в «строи-тель»), что делает часть суффиксов значительно более близкими к флексиям, чем другие. При этом в парадигме существительных суффиксы служат для словообразования, будучи противопоставлены флексиям. Линейная структура также не помогает дискретности разграничения: наличие форм на *-ся*, которые, называясь суффиксами, располагаются за флексиями, приводит к использованию для таких форм термина «постфикс», который иногда применяется и для всех пост-корневых морфем при описании неиндоевропейских языков. Очевидно, что бинарное дискретное противопоставление как форм (флексии и суффиксы), так и их статуса (словоизменение и словообразование) не отражает реальную картину их взаимодействия даже в индоевропейских языках, для которых они изначально вводились, и, во многом, является следованием традиции. Не случайно, что в «Рутледжском словаре языка и лингвистики» за фразой «независимо от некоторых пограничных случаев (например, компаративы и причастия) обычно проводится различие между словоизменением (= образование форм слов) и словообразованием (= образование основ слов) как отдельными областями изучения в морфологии» следует фраза о том, что «в более поздних исследованиях по синтаксису слова различие в функции словоизменительных и деривационных аффиксов подвергается сомнению» (Bussmann 1996: 556).

В принципе, описание сложных языковых явлений – это некоторая борьба и, как следствие, компромисс между абсолютно истинными, но недискретными, а следовательно, не создающими нового научного знания утверждениями вроде «язык сложен и многообразен», и стремлением к научной дискретизации знания, которое может приводить и часто приводит к упрощению реальной языковой сложности.

Попытка выхода из этого методологического противоречия была предложена А. А. Кибриком. В докладе на конференции Европейского лингвистического общества — SLE (Kibrik 2012) и в статье Kibrik 2015 он обращает внимание на многочисленность недискретных явлений на разных уровнях языка и предлагает «фокальную структуру» описания языка, которая позволяет учитывать как дискретные («digital»), так и недискретные («analog») языковые явления. Фокальная структура состоит из:

1) «фокусных, или «якорных», точек-вершин, которые являются прототипическими для того или иного явления или категории,

2) так называемых «аутлайеров» (элементов категории, по некоторым признакам отличающихся от прототипа — «периферии» категории),

3) «гибридных» точек, которые являются наиболее далекими от прототипа «аутлайерами», более или менее равноудаленными одновременно от двух разных «фокусных» точек-вершин и находящихся в «зоне влияния» их обеих.

Подобный поход позволяет избежать не соответствующей реальным языковым явлениям дискретности без отказа от системного взгляда на язык.

И словоизменение, и словообразование могут быть представлены как морфемами с «классическим» полным набором признаков, соответствующих «фокальной» категории, так и «аутлайерами» — морфемами, которые по одному из перечисленных признаков сближаются с противоположной «фокальной» точкой. «Классическое» («фокальное») словообразование не контролирует согласование, не образует кумулятивных морфем типа род/число/падеж, распространяется на определенную группу корней для модели деривации с определенным значением. «Классическое» словоизменение контролирует согласование, участвует в синтаксической связи слов в высказывании, не образует новых слов, а только их формы, кумулятивно выражает несколько грамматических категорий (что, в частности, позволило определять языки с наличием таких морфем как «флективные»). Задачей данной статьи является рассмотрение с этих позиций весьма сложного взаимодействия некоторых элементов именного формо- и словообразования в индоевропейских языках с грамматическим родом (русский, древнегреческий и латинский).¹

¹ Очевидно, что этот краткий текст не может претендовать и не претендует на полное или развернутое описание именной морфологии в указанных языках. Для русского языка таким описанием является анализ, представленный в Zaliznyak 1967, для других языков подобный комплексный анализ, вероятно, еще предстоит провести. Для целей этой статьи мы лишь выборочно анализируем ряд явлений в «прототипической» и «пограничной» зонах словоизменения и словообразования.

2. Словообразование и словоизменение в русском языке

В русском языке, с его традиционным разделением морфем на суффиксы (словообразование) и флексии (словоизменение), можно достаточно легко определить «фокусные точки». Например, суффикс *-тель* в *строи-тель* и *писа-тель* отчетливо относится к словообразованию, а окончание *-и* в *строител-и* и *писател-и* — к словоизменению; *-и* контролирует согласование в именной группе и глаголе, кумулятивно выражая число и падеж, и не используется для образования новых лексем, поскольку на нем лежит слишком большая и разнородная грамматическая нагрузка, а *-тель* не может контролировать согласование и выражает отчетливую и однозначную семантику образования отглагольных агентивов. В то же время, в русском языке существует ряд словообразовательных суффиксов, демонстрирующих некоторые отклонения от классической деривации: например, суффиксы *-онок* и *-ат-* в «волч-**онок**» и «волч-**ат-а**» помимо отчетливой деривативной семантики «детеныши животных» (+ «дети» — *реб-енок/реб-ят-а, октябр-енок/октябр-ят-а*; + «грибы» — *оп-енок/оп-ят-а, масл-енок/масл-ят-а*) кумулятивно с деривацией обладают семантикой числа, таким образом делая шаг в сторону от «классической» деривации, если принять во внимание тот факт, что кумулятивность гораздо больше свойственна словоизменительным флексиям.

Другим примером кумулятивности суффиксов в русском языке является сочетание признаков диминутивности и рода, причем существуют диминутивные суффиксы, коррелирующие со всеми тремя родами: *студент/студент-к-а* (диминутивность + ж. р.), *стол/стол-ик* (диминутивность + м. р.), *солнце/солнышк-о* (диминутивность + ср. р.).

Однако русский язык демонстрирует и другой вариант «неклассического» использования деривации — в нем можно наблюдать своего рода согласование уменьшительного или увеличительного суффикса существительного (обычно при определенном экспрессивном характере высказывания, часто свойственном так называемому «детскому» языку) с зависимым от него прилагательным, что можно было бы определить как своего рода диминутивную «интерференцию». Очевидно, что с точки зрения носителей русского языка предпочтительней выглядят «координированные» словосочетания вроде *бел-еньк-ий зайч-ишк-а* или *зл-ющ-ий волч-ишк-е*, чем «некоордини-

рованные» типа *белый зайчишка* или *злющий волк*. Причем в «детском» языке такая координация может распространяться даже на глагол: *Саш-еньк-а мал-еньк-ий спат-еньк-и пошел*².

Что касается русских флексий, то и в них можно наблюдать отклонение в сторону деривации. Хотя русские флексии со значением грамматического рода обладают очень низким словообразовательным потенциалом (даже у одушевленных существительных для образования имен женского пола от мужского обычно требуется дополнительная деривативная суффиксация — *студент/студент-к-а*, причем именно так выглядит продуктивный процесс образования новых феминитивов — *автор/автор-к-а*), все же можно найти примеры использования флексий для словообразования (*Александр/Александр-а, супруг/супруг-а*). В этих примерах к стандартным словоизменительным характеристикам (контроль согласования, кумулятивность рода и падежа) добавляется словообразовательное значение женского пола.

3. Словообразование vs словоизменение в латинском языке

В латинском языке к «фокусным точкам» можно отнести, в частности, деривативный суффикс *-or-*, который образует отглагольные агентивы, и словоизменительную флексию *-es* — показатель множественного числа: *vict-or* ‘победи-тель’ — *vict-or-es* ‘победи-тел-и’; *act-or* ‘дея-тель’ — *act-or-es* ‘дея-тел-и’. При этом отклонение от деривации в сторону большей кумулятивности (вроде русского *опенок* — *опята*) практически не встречается: пару *vi-s* (Sg.) ‘сила’ — *vi-re-s* (Pl.) ‘силы’, скорее следует рассматривать как задействованный для выражения числа частичный супплетивизм основ. Сюда добавляется и частичный супплетивизм основ при оппозиции «номинатив — остальные падежи»: *iter* (Nom.) — *itiner- is* (Gen.) ‘путь’; *iecur* (Nom.) — *iecinor-is* (Gen.) ‘печень’; *supellex* (Nom.) — *supellectil-is* (Gen.) ‘утварь’, *femur* (Nom.) — *femin-is* (Gen.) ‘бедро’, *senex* (Nom.) — *seni-s* (Gen.) ‘старик, старуха’³. Формально выделенные элементы похожи на суффиксы, но они не обладают никаким деривативным потенциалом и, следовательно, их следует определять все же как часть супплетивных

² Ср. также глагольную диминутивную форму *куш-еньк-ать*.

³ Подробнее о латинском словообразовании в индоевропейском контексте см. (Kazansky 2022).

основ. При этом деривативное согласование типа «*Сашенька маленький спатеньки пошел*» встречается и в латыни, но не в «детском» языке, как в русском, а в языке римской комедии, пародирующем любовные диалоги гетер и их возлюбленных:

(1) *Papill-arum horrid-ul-arum oppresi-unc-ul-ae* (Plaut. *Pseud.* 68)

‘Упругеньких грудок обнимашки’

(*papilla* ‘грудь, сосок’, *horridula* ‘упругенькая’ — *demin.* к *horrida* ‘упругая, тугая’, *oppresiuncula* ‘обнимашка’ — *demin.* к *oppressio* ‘сжатие, надавливание’).

Похожие примеры встречаются и в стихах Катулла, например:

(2) *Num te lacteolae tenent puellae?* (Cat. 55, 17)

‘Неужели тебя держат молочно-беленькие девчушки?’

(*lacte-ol-ae* — диминутив от *lacte-us* ‘молочно-белый’, согласованный с диминутивным (по типу образования) существительным *puellae* ‘девочки’);

(3) *O factum male, quod, miselle passer,*

tua nunc opera meae puellae

flendo turgiduli rubent ocelli! (Cat. 3, 16–18)

‘О злодейство! Ибо по твоей вине, бедненький воробей, у моей девочки покраснели пухленькие от слез глазки.’

В этом стихотворении на смерть воробушка Лесбии в близком соседстве друг к другу находятся четыре диминутивные формы: *misel-le* (*passer*) ‘бедненький’, *puel-lae* *turgidu-l-i* *ocel-l-i* ‘пухленькие глазки девочки’.

Примечательно, что в латыни родовые флексии *-us* (m) и *-a* (f) участвуют в словообразовании (типа «супруг — супруг-а») более продуктивно, чем русские флексии, ср.: *lup-us* ‘волк’ — *lup-a* ‘волчица’; *milv-us* ‘коршун’ — *milv-a* ‘самка коршуна’; *equ-us* ‘конь’ — *equ-a* ‘лошадь’; *amic-us* ‘друг’ — *amic-a* ‘подруга’; *domin-us* ‘господин’ — *domin-a* ‘госпожа’ и т. д. Таким образом, отклонение родовых флексий единственного числа от классической флективности представляет собой достаточно продуктивный «аутлайер» словоизменения.

4. Словообразование vs словоизменение в древнегреческом языке

В древнегреческом к фокусным точкам можно отнести на одном полюсе — образующий отглагольные агентивы суффикс *-τήρ, -τήρως*, а на другом — словоизменительную флексию — *ες*, показатель множественного числа:

ἀροτήρ ‘пахарь’ — ἀρο-τήρ-ες ‘пахари’ (ἀρώ ‘пахать’), δοτήρ ‘податель, даритель’ — δο-τήρ-ες ‘податели, дарители’ (δίδωμι ‘давать’), σωτήρ ‘спасатель’ — σωτ-ήρες ‘спасатели’ (σώζω ‘спасать’) (Emde Voas *et al.* 2019, 268).

Отклонением от классической деривации в греческом является кумулятивность словоизменительной и словообразовательной семантики, проявляемая в диминутивах: так, диминутивный суффикс среднего рода *-ιον*, при добавлении к существительному неизбежно превращает его в слово среднего рода, независимо от рода, одушевленности или иных параметров исходного слова, например:

ληκύθ-ιον ‘лекифчик’ (λήκυθος, m ‘лекиф’)

οἰκίδ-ιον ‘домик’ (οἰκία, f ‘дом’)

παιδ-ιον ‘маленький мальчик’ (παῖς, m/f ‘ребенок’)

ἐπύλλ-ιον ‘небольшой эпос’ (ἔπος, n ‘эпос’) (Voas *et al.* 2019: 265)

Отметим, что кумулятивная связь диминутивности с родом проявляется и в других индоевропейских языках, причем в разных комбинациях: в немецком диминутивный суффикс *-chen* комбинируется только со средним родом — *das Mäd-chen*, как в древнегреческом, а во французском диминутивный суффикс *-ett-* сочетается только с женским родом — *chanson/chanson-ett-e* ‘песня/песен-к-а’, причем и при исходной основе мужского рода (ср. название фильма «*Le gendarme et les gendarmettes*»), образуя феминитивы по модели, аналогичной формам с русским суффиксом *-к-*: студент/студент-к-а. При этом напомним, что в русском языке существуют диминутивные суффиксы, коррелирующие со всеми тремя родами: *студент/студент-к-а, стол/стол-ик, солнце/солн-ышк-о*.

Древнегреческие родовые флексии — *ος* (m) и *-α /-η* (f) принимают участие в словообразовании, но в гораздо меньшей степени, чем в латыни и даже в русском. Таких пар, как ἀδελξφ-ός ‘брат’ — ἀδελξφ-ή ‘сестра’ или θε-ός ‘бог’ — θε-ά ‘богиня’, в языке совсем немного.

5. Выводы

Сравнительный анализ недискретной («фокальной») структуры словоизменения и словообразования в русском, латыни и древнегреческом можно представить в виде сводной таблицы:

Табл. 1. Фокальная структура именных суффиксов и флексий в русском, латыни и древнегреческом языках.

Фокусный центр (сл.обр.)	«Аутлайеры» (сл.обр.)	Гибридный центр	«Аутлайеры» (сл.изм.)	Фокусный центр (сл.изм.)
русский				
<i>Строй-тель</i>	Кумулятивность: число <i>волч-онок/</i> <i>волч-ап-а</i> род <i>студент/</i> <i>студент-к-а</i> Согласование: <i>Саш-еньк-а</i> <i>мал-еньк-ий</i> <i>спат-еньк-и пошел</i>		<i>Александр-а,</i> <i>супруг-а</i>	<i>Строител-и</i>
латынь				
<i>vict-or</i> 'победитель'	Согласование: <i>papill-arum</i> <i>horrid-ul-arum</i> <i>oppressi-unc-ul-ae</i> 'упругеньких грудок обнимашки'		<i>lup-us</i> 'волк' – <i>lup-a</i> 'волчица'	<i>vict-or-es</i> 'победи-тел-и'
древнегреческий				
<i>ἄρο-τήρ</i> 'пахарь'	Кумулятивность: род <i>παιδίον</i> 'маленький ребенок' (<i>παῖς</i> , m/f 'ребенок')		<i>ἀδελξφ-ός</i> 'брат' – <i>ἀδελξφ-ή</i> 'сестра'	<i>ἄροτήρ-ες</i> 'пахарни'

Таким образом, при применении фокального анализа и дифференцированного подхода к различным признакам словоизменения и словообразования мы получаем значительно более точную матрицу взаимодействия словообразования и словоизменения в анализируемых языках, чем при традиционном дискретном анализе. Можно заметить, что меньше всего тенденция к отклонениям свойственна древнегреческому языку: для суффиксов к подобным отклонениям можно отнести только кумулятивность диминутивности и рода, для флексий — редкие примеры словообразовательного использования родовых флексий. В латыни словообразовательный потенциал родовых флексий используется существенно активней, чем в древнегреческом и русском. И в русском, и в латыни существуют примеры своеобразного суффиксного согласования, но латинский язык не демонстрирует возможности кумуляции в суф-

фиксах деривативного значения со словоизменительным, а в русском такая кумуляция существует, причем и с числом, и с родом, то есть латинскому языку более свойственно деривативное использование флексий, а русскому — кумулятивность суффиксов. При этом во всех трех анализируемых языках аутлайеры не доходят до стадии «гибридности». Подобный гибридный центр между словоизменением и словообразованием может быть обнаружен в языках с именными классами, например, в суахили (нигер-конго), где именно «гибридный центр», по сути, и представляет собой фокусный центр категории именного класса⁴.

В завершение следует заметить, что структуризация в рамках «фокального» подхода словоизменительных и словообразовательных морфем позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с родом и именными классами. Закончить статью представляется уместным цитатой из книги А. А. Зализняка (1967: 8): «...универсальная система фонологических различительных признаков Р. Якобсона преодолела «барьер», разделявший гласные и согласные». В этой связи можно предположить, что и построение «фокальной» системы именных морфологических признаков поможет преодолеть еще один «барьер» — между словообразованием и формообразованием.

Литература

- Bulygina, T. V., Krylov, S. A. 1990. Fleksiya. [Inflection]. *LES*, М.: Sovetskaya enciklopediya, 551–552.
- Булыгина, Т. В., Крылов С. А. 1990. Флексия. *ЛЭС*, М.: Советская энциклопедия, 551–552.
- Bussman, H. 1996. *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. London; New-York: Routledge.
- Emde Boas van, E. et al. 2019. *Cambridge Grammar of Classical Greek*. Cambridge, CUP.
- Kazansky, N. N. 2022. *Problemy leksikologii latinskogo yazyka*. [Problems of Latin lexicology]. SPb.: Nauka.
- Казанский, Н. Н. 2022. *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.: Наука.
- Krasuhin, K. G. 2004 Affiks. [Affix] *Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya*, 2004–2017. <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1842071> (data obrashcheniya 07.05.2023)

⁴ Подробнее о гибридном взаимодействии словообразования и словоизменения в категории именного класса см. (Zhelтов, Zheltova 2023).

- Красухин, К. Г. 2004 Аффикс. *Большая Российская Энциклопедия*, 2004–2017. <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1842071> (дата обращения 07.05.2023)
- Kibrik, A. 2012 *The challenge of non-discreteness: focal structure in language. Plenary talk presented at the 45th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Stockholm University, 29 August – 1 September 2012.* <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/kibrik/talks> (дата обращения 31.03.2023)
- Kibrik, A. 2015 The problem of non-discreteness and spoken discourse structure. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 14 (21), vol. 1, 225–233.
- Zaliznyak, A. A. 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. [Russian noun inflection] М.: Nauka.
- Зализняк, А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Zaliznyak, A. A. 2002. О показателях множественного числа в русском склонении. [About plural marking in Russian declension]. In: *Zaliznyak A. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu*. М.: «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 545–549.
- Зализняк, А. А. 2002. О показателях множественного числа в русском склонении. В кн.: *Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: "Языки славянской культуры", 545–549.
- Zheltoy, A. Yu., Zheltova, E. V. 2023 *Klass i rod v kontekste fokal'noj struktury yazyka: eshche raz o nediskretnosti slovoizmeneniya i slovoobrazovaniya*. [Class and gender in the context of focal structure of the language: once again about non-discreteness of inflection and derivation] (in print).
- Желтов, А. Ю., Желтова Е. В. 2023. Класс и род в контексте фокальной структуры языка: еще раз о недискретности словоизменения и словообразования. (в печати)